

Е.А. Белоусова, А.А. Холиков (Москва, Россия)

Автобиография vs история: «диалектика жизни» С.М. Шахрая¹

Аннотация: Рецензия представляет собой аналитический обзор эгодокументального текста, который открывает новую серию «90-е: личности в истории». Авторы остановили особое внимание на выборе С.М. Шахраем гибкой повествовательной стратегии, позволившей ему не только воссоздать картину «лихих девяностых» в нашей стране, но и выйти за рамки этих пространственно-хронологических координат. Исследовательский интерес вызывает концепция осмысления прошлого как опыт самопознания: разносторонние увлечения мемуариста позволяют ему говорить о политике и юриспруденции, философии и художественной литературе. Высоко оценены прямота и бескомпромиссность С.М. Шахрая при создании образов «спорных» исторических фигур (Б.Н. Ельцин, Б.Е. Немцов, А.А. Собчак, Е.Т. Гайдар), отсутствие «придворного» пиетета в рассказах о встречах с высокопоставленными особами (Елизавета II, принц Чарльз, Р. Никсон и др.). Книга рассчитана на читателя, готового увидеть не черно-белую картину, а многоцветную и объемную реальность новейшей истории своей страны.

Ключевые слова: автобиография, эголитература, саморефлексия, распад СССР, С.М. Шахрай

E.A. Belousova, A.A. Kholikov (Moscow, Russia)

Autobiography vs History: “Dialectics of Life” by S.M. Shakhrai

Abstract: The review is an analytical review of the ego-documentary text, which opens a new series “90s: Personalities in History”. The authors paid special attention to the choice of S.M. Shakhrai of a flexible narrative strategy that allowed him to recreate a picture not only of the “dashing nineties” in our country, but also to go beyond these spatial and chronological coordinates. Research interest is also attracted by the concept of understanding the past as an experience of self-knowledge: the versatile hobbies of the memoirist allow him to talk about politics and jurisprudence, philosophy and fiction. The reviewers highly appreciated the directness and uncompromisingness of S.M. Shakhrai when creating images of “controversial” historical figures (B.N. Yeltsin, B.E. Nemtsov, A.A. Sobchak, Ye.T. Gaidar), the absence of “court” reverence in stories about meetings with high-ranking persons (Elizabeth II, Prince Charles, R. Nixon, etc.). The book is in-

---

¹ Далее цитаты приводятся по электронному изданию книги на сайте www.litres.ru: *Шахрай С.М. Как я написал Конституцию эпохи Ельцина и Путина*. М.: Синдбад, 2021.

tended for a reader who is ready to see not a black and white picture, but a multicolored and voluminous reality of the recent history of his country.

Key words: autobiography, ego literature, self-reflection, collapse of the USSR, S.M. Shakhray

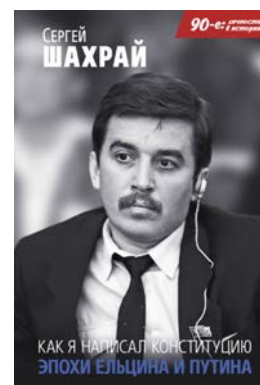
Антропологический поворот в гуманитарной сфере приучил нас воспринимать человека как «фокус социальности», явленный в тексте. Автобиография в этой связи весьма удобная форма рефлексии общественно-политических событий той или иной эпохи в опыте личной жизни. Потому неудивительно, что «историческая наука сегодня тянется к истории одного человека»². Неискушенный читатель, в свою очередь, всегда интересовался «интимными» жанрами.

Можно ли на основе такого рода повествований составить объективную модель прошлого? С одной стороны, многим памятливы автобиографические опусы Андрея Белого (свидетеля революционных будней) с их модернистским солипсизмом. Другая крайность – советские «делопроизводственные автобиографии», интересные как массовая социальная практика, но лишённые свободного самовыражения.

С.М. Шахрай лавирует между соблазнительным эгоцентризмом активного участника исторических событий («Как я написал Конституцию эпохи Ельцина и Путина») и педантичной фактографичностью ученого-юриста («Как я написал Конституцию эпохи Ельцина и Путина»). Но за гибким и двусмысленным заглавием книги твердая рука автора, который различает голоса других людей, повстречавшихся на перекрестках дорог, и слышит шум своего времени. Недаром издание открывает новую серию «90-е: личности в истории».

Перед нами калейдоскоп зарисовок, в которых кристаллизуются главные сюжетные линии: Конституция, Беловежье и Северный Кавказ. Теперь даже в школьных учебниках можно прочесть о событиях, ставших не просто фактом биографии С.М. Шахрая (некогда вице-преьера, министра, депутата), а «неразрывной частью нашей судьбы и нашего общего завтра». Но дьявол, как известно, в деталях. И автор (ныне профессор, декан, проректор) преподает нам познавательный урок «внеклассного чтения». Когда строку диктует чувство, то даже за сухими «фактами, фактами и еще раз фактами», по слову поэта, дышат почва и судьба... Как писалась ельцинская Конституция («Три карты – это у Пушкина в “Пиковой даме”, а у нас – три листа бумаги»)? Почему президент США узнал о распаде СССР раньше, чем М.С. Горбачев? Всегда ли путь в Кремль пролегает через Чечню?

Отвечая на эти и другие вопросы сегодня, когда «уходят люди, уходит память, подлинные документы покрываются пылью на архивных полках», С.М. Шахрай с отчаянием Дон Кихота бросает вызов ветряным мельницам «мифов». Самый удивительный среди них тот, что СССР развалился именно 8 декабря 1991 г., а подписание Беловежских соглашений было заранее спланировано. «Взгляд изнутри» тех исторических дней на привычный для автора вопрос: можно ли было сохра-

² Кнэшт Н.П. Осмысление прошлого как опыт самопознания (к философии автобиографии) // Известия Томск. политех. ун-та. 2005. Т. 308. №4. С. 197.

нить Союз? – скорректирован временем: «Обычно я отвечал – нельзя. Потому что слишком сильны были факторы распада... Но теперь, по прошествии трех десятков лет и после тонны изученных документов, я думаю, что была одна развилка в истории, когда СССР можно было бы спасти. Это было возможно в 1989–1990 годах, если бы Горбачев не свернул в сторону идеи Союзного договора, которую ему подбросили как троянского коня эстонцы».

Штрихи к портретам спорных политических фигур сделаны в книге с казачьей прямоотой и бескомпромиссностью. А.А. Собчак, которому С.М. Шахрай «в плане человеческих отношений» очень благодарен, предстает эдаким «баринем революции»: «И жизнь его закончилась слишком рано, путано и трагически»; Б.Н. Ельцин – «скорее осторожным и прагматичным», а не «решительным» и «безрассудно смелым». Другой Борис – Немцов («самый молодой губернатор, страшно популярный младореформатор, оболганный вице-премьер, несостоявшийся преемник, лидер Союза правых сил, оппозиционный политик») – вспоминается с особой симпатией: «Светлый был человек, открытый, добрый. Так глянешь не слишком внимательно: внешне – просто Остап Бендер с этими вечными белыми штанами. А на самом деле он очень серьезный был и глубокий. И гораздо более рациональный, чем казался. В политике он себя чувствовал как рыба в воде. А все эти внешние атрибуты в стиле “рубаха-парень” – совершенно наносное». Едва ли не самым трагическим в этом мартирологе вышел силуэт Е.Т. Гайдара: «...его отстранили от всего, не дали работать, не дали доделать и завершить то, что он хотел. Да еще вместо спасибо за то, что экономику спас, взяли и назначили стрелочником. И ближайшее окружение, и дальнее. И он остался в нашей истории не просто непризнанной фигурой, а каким-то воплощением зла. Вот в такой атмосфере Гайдар сидел себе один на даче, писал свою “Тибель империи”. И пока писал – жил, а как дописал – умер...».

Рассказы «о чужих» высокопоставленных лицах ложатся россыпью исторических анекдотов, по-чеховски кратких и поучительных. Принц Чарльз запускает «цепочку событий, которая привела к первой бронзовой олимпийской медали для российских бадминтонисток», тогда как встреча в Кремле с его матерью, английской королевой, убеждает: «нет, ребята, не будет у нас никакой монархии, даже конституционной. Отвыкли». В том же ряду страницы о долгой беседе с Никсоном («главным грешником США») во время его последнего приезда в Россию, знакомстве с Жаком Шираком за пару месяцев до того, как он стал президентом Франции. Список известных имен продолжается... и для каждого из них подобрана своя словесная палитра.

А словом С.М. Шахрай владеет. Заслуга профессора Д.Л. Златопольского, у которого в аспирантуре МГУ молодой ростовчанин «с азартом д’Артаньяна» постигал тайны юридического мастерства и перенял «удивительно трепетное отношение к русскому языку». Не отсюда ли тонкое лингвистическое замечание автора о том, что «в России есть эксклав», а не анклав? Между тем названия глав выдают в мемуаристе потенциального беллетриста: «Есть в этом что-то политико-эротическое...», «Юрист с пистолетом и музыкант с автоматом», «Как Россия трижды пыталась перейти к федерализму, а попутно придумала евро», «А Никсон-то оказался с Урала...», «Про то, как я Новый год указом ввел» и др.

Книга увлекает и, как река времени, выбрасывает читателя к разным берегам и частям света. Особенно живописна Азия. Заметки о «бадминтонной дипломатии»

или о том, как в Китае была поставлена «высотка МГУ», – если не авантюрный, то уж точно приключенческий жанр. Очевидно, автор Конституции может не только печь сложить («специально выучился, прежде чем в первый раз ехать в стройотряд») или поднять в небо кукурузник, но и вести писательский диалог с В. Богомоловым, романом которого «Момент истины» («В августе сорок четвертого») зачитывался в юности; а еще – устанавливать интертекстуальные связи с Данте, А. Дюма, Ф. Тютчевым, Н. Лесковым, Л. Толстым, А. Ахматовой.

Неудивительно, ведь С.М. Шахрай в прямом смысле слова вырос между книжными полками. В детстве у него был специальный матрасик, который сшила мама, работавшая сельским библиотекарем: «В одной из комнат библиотеки, под которую отдали большой частный дом, я на этом мамином матрасике и жил: спал, ел, играл. И, конечно, читал». Пройдут годы – и, став государственным деятелем, С.М. Шахрай частенько будет ночевать в Кремле, «прямо в Грановитой палате – в углу стелил картонные коробки, газеты и дремал на них, как бомж, до утра. Точнее, VIP-бомж из Грановитой палаты. Было столько срочных дел, что не хотелось время терять на поездку домой». Незабываемая картина. Нагляднее только собранные в конце фотографии из личного архива автора с кратким комментарием. Они подкупают своей естественностью и простотой на фоне постановочных кадров официальной хроники и отретушированных снимков из соцсетей. Перелистываешь, как семейный альбом, и буквально прикасаешься к другому времени.

Взгляд назад поучителен. В частности, для принятия управленческих решений. Пример – снятие противоречий между Москвой и Казанью: «Модель разрешения конфликта не индивидуальная, не разовая. Она полностью подходит для урегулирования отношений Испании и Страны басков, Великобритании и Шотландии... такое же “лекарство” могло бы сработать для нормализации отношений Киева и Донецка, Киева и Луганска». Работая на идею государства, С.М. Шахрай отстаивает федерализм как мировоззрение и показывает: «Есть только один путь: правовые стимулы и время». По природе своей будучи не усмирителем, а примирителем, главной своей заслугой автор считает «политическую амнистию участникам событий октября 1993 года» и ненавязчиво предупреждает: «Доверие к институтам власти и суду важно во все времена, но сегодня в особенности».

Книга не только подведение итогов. «Цель, результат – ничто, движение – все» – такова формула жизни, выведенная С.М. Шахраем. И читателю раскрывается перспективный план по наведению порядка в цифровом мире, для которого тоже нужна конституция (кто скажет, как соотносятся права виртуальной и реальной личности?). Впрочем, не конституцией единой... «Не удивляйтесь, – говорят нам, – если на вопрос: “Так над чем вы сейчас работаете? <...>” – я однажды отвечу, что занимаюсь проблемой телепортации и разрабатываю гравитационный двигатель». Время – вперед! Автор не ставит точку. А значит, продолжение следует...

ЛИТЕРАТУРА

Кнэхт Н.П. Осмысление прошлого как опыт самопознания (к философии автобиографии) // Известия Томск. политех. ун-та. 2005. Т. 308. №4. С. 196–200.

Шахрай С.М. Как я написал Конституцию эпохи Ельцина и Путина. М.: Синдбад, 2021. 382 с.

REFERENCES

Knecht N.P. Comprehension of the Past as an Experience of Self-knowledge (to the philosophy of autobiography). *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*. 2005. Vol308. No4. P. 196–200.

Shakhray S.M. (2021) How I Wrote the Constitution of the Yeltsin and Putin era. Moscow. Sinbad Publ. 382 p.

Сведения об авторах:

Евгения Александровна Белоусова,
аспирант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Evgeniya A. Belousova,
PostGraduate Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
belousova.evgeniya@yandex.ru

Алексей Александрович Холиков,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова
филологический факультет
Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне

Alexey A. Kholikov,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
Philological Faculty
Shenzhen MSU-BIT University
aakholikov@gmail.com